

РОССИЯ В ЗАПАДНОЙ НАУКЕ

Россия для ученого представляет собой обширное исследовательское поле со своей неповторимой спецификой, во многом отличной от привычной для западного исследователя. При этом изучение нашей страны в общей классификации направлений научного анализа и в экономике, и в социологии, и в политологии, и в других общественно-научных дисциплинах оказывается в сфере “страноведческих исследований” – направления, не очень популярного среди других сфер научного анализа. Но в то же время нельзя не видеть, что Россия – огромная страна, играющая значительную роль в мировых процессах. Поэтому изучение ее особенностей, осознание происходящих в ней процессов, улавливание признаков новых структурных, институциональных, социокультурных и иных изменений представляется чрезвычайно важным для научно обоснованного прогноза дальнейшего развития событий не только в России, но и во всем мире.

Причем представляется, что в добыче такого “углубленного знания” заинтересованы как ученые, работающие внутри страны, так и их зарубежные коллеги. Вместе с тем нельзя не видеть и трудностей в институциональной организации “российских исследований” в организационной структуре западной науки. Поэтому журнал “Общественные науки и современность” предлагает обсудить самый широкий комплекс проблем, связанных с современным существованием “российских исследований” в странах Запада. Эту тему мы открываем статьей А. Либмана – российского ученого, ныне работающего в Германии, и будем благодарны его коллегам из разных стран, которые сочтут эту тему важной для себя и включатся в продолжение обсуждения.

А.М. ЛИБМАН

Изучение России в западной науке: проблемы и логика развития*

Статья посвящена сравнительному анализу места “российских исследований” в основных дисциплинах общественных наук (экономике, политологии и социологии) в странах Западной Европы и США. Обсуждаются причины относительной устойчивости сообщества “российских исследований” в одних дисциплинах и ограниченного внимания к России в других. Рассматривается взаимодействие “российских исследований” на Западе и российских общественных наук. Обсуждаются основные проблемы в развитии “российских исследований” на Западе.

Ключевые слова: российские исследования; общественные науки; международное разделение труда в науке; наука и эмоции.

DOI: 10.31857/S086904990005082-2

* Выражаю благодарность участникам конференций Высшей школы изучения Восточной и Юго-Восточной Европы (Graduate School for East and Southeast European Studies) Мюнхенского и Регенсбургского университетов в октябре 2018 г. и Немецкого общества изучения Восточной Европы (DGO) в марте 2019 г. за комментарии к ранним версиям этой работы.

Л и б м а н Александр Михайлович – доктор экономических наук, PhD (Economics), профессор Мюнхенского университета им. Людвига и Максимилиана. Адрес: Institut für Soziologie, LMU München, Konradstraße 6, 80801 München, Germany. Email: alexander.libman@soziologie.uni-muenchen.de.

Первые полтора десятилетия XXI в. стали периодом спада “российских исследований” (*Russian studies*) в общественных науках практически во всех западных странах. После эпохи советологии, спрос на которую поддерживался политическим климатом “холодной войны” [Engerman 2009], и периода транзитологии, порожденной политической и экономической трансформацией 1990-х гг. [Kubicek 2000; Gans-Morse 2004; Sonin 2013; Ekiert 2015], обществоведческие научные центры и исследователи, специализирующиеся на изучении постсоветских государств, в большинстве стран Западной Европы и США столкнулись со снижением интереса к их исследовательской повестке, сокращением финансирования и уменьшением внимания студенческой аудитории и общественности. Не случайно кризис 2014 г. в отношениях России и Запада стал поводом для многих исследователей России лишиться раз вспомнить об утрате необходимой экспертизы в области российской политики и экономики – тезис, звучавший, впрочем, и до этого [Schröder 2013; Demirjian 2015; King 2015; Grigas 2016; Sapper 2017].

Диссонансом к столь распространенному критическому отношению к состоянию “российских исследований” стала, однако, опубликованная в 2017 г. статья Т. Фрая (одного из ведущих американских политологов, специализирующихся на изучении России), под красноречивым заголовком “Российские исследования процветают, а не умирают” [Frye 2017]. Главный вывод Фрая состоит в том, что в политологии ни о каком кризисе “российских исследований” речи идти не может – наоборот, как раз сейчас изучение России переживает настоящий расцвет, связанный с внедрением новых исследовательских подходов, повышением качества методологии и поиском новых тем. Таким образом, оценка текущего состояния “российских исследований” в общественных науках западных стран – как минимум, тема, заслуживающая дальнейших дискуссий.

В этой статье я попытаюсь выделить важные проблемы изучения России¹ в основных обществоведческих дисциплинах (экономике, политологии и социологии) в западных странах (в первую очередь, в силу моего личного профессионального опыта, в США, Великобритании и Германии). На мой взгляд, интерес представляют прежде всего три вопроса.

Во-первых, какие факторы позволяют в тех или иных обществоведческих дисциплинах сохраняться специфическому сообществу “российских исследований”? Чем отличаются, в этом отношении, например, экономисты от политологов, и чем объясняются эти отличия?

Во-вторых, как соотносятся “российские исследования” на Западе с изучением России в самой России? В годы “холодной войны” контакты между западными советологами и советскими обществоведами носили весьма ограниченный характер. В сочетании с идеологическими ограничениями для науки в СССР это делало открытую дискуссию невозможной. В наше же время дистанция между российской наукой и научными сообществами западных стран сократилась, что не может не сказаться на ситуации с изучением России на Западе.

В-третьих, насколько “объективны” исследования России на Западе? Обычно, когда задается этот вопрос, имеется в виду политическая ангажированность исследователей. Нас эта тема интересует в меньшей степени: распознать ученых, для которых идеология (или государственное финансирование) становятся причиной манипуляции научными выводами, достаточно легко. Гораздо сложнее, как представляется, другая проблема – наличие “эмоциональной дистанции” между ученым и объектом изучения. Выбор специализации специалиста-страноведа часто связан не только с чисто научными соображениями, но и личным интересом к той или иной стране – ее культуре, истории и традициям. Влияет ли существование такого интереса на выбор исследовательской повестки и на качество “российских исследований”? И существуют ли какие-то пути решения возникающих проблем?

¹ Следует отметить, что если в некоторых странах (например, в США) акцент однозначно делается на исследовании именно России, в других (например, в Германии) российские исследования трактуются как часть более широкого комплекса изучения Восточной Европы. В данной статье внимание в дальнейшем будет сосредоточено именно на исследованиях российских реалий.

Сообщество “российских исследований”: преимущества и недостатки

Едва ли можно спорить о том, что общество, экономика и политика России заслуживают пристального внимания ученых. Однако институционализация сообщества ученых, занятых “российскими исследованиями”, предполагает нечто большее – наличие специализированных кафедр и позиций в университетах, проведение достаточно регулярных конференций, издание журналов, посвященных именно России (и другим постсоветским странам или странам Восточной Европы). С практической точки зрения само существование такого специализированного сообщества представляет собой, по сути дела, систему привилегий для специалистов по России с точки зрения организации их научной карьеры. Например, политолог, занимающийся Россией, может посылать свои статьи как в общие политологические журналы (скажем, по теории международных отношений или сравнительной политологии), так и в специализированные издания в области “Russian area studies” – причем если в первых ему придется объяснять, почему именно Россия представляет особенный интерес для изучения того или иного феномена, то во вторых интерес к России предполагается по умолчанию. Существование таких привилегий не тривиально и нуждается в специальных обоснованиях.

В последние десятилетия сообщества исследователей–специалистов по конкретной стране или региону (так называемых “area studies”) подвергаются острой критике практически во всех общественных науках. Ключевая проблема состоит в низком качестве теоретических и эмпирических исследований в “area studies”. Если в дискуссии специалистов по экономике или политологии сегодня на первом плане находится *метод исследования* и качество *теоретической аргументации*, в “резервации” специалистов по конкретным регионам (как правило, основанной на принципе междисциплинарного диалога) методология исследования с неизбежностью окажется на втором плане. Экономист и литературовед, занимающиеся Россией, едва ли смогут эффективно подвергнуть критике методологию друг друга, – поэтому дискуссия с высокой вероятностью окажется сосредоточена на фактах: знании региона исследования, его культуры, истории, современной ситуации и т.д. [Либман 2010]. Поэтому сегодня в общественных науках едва ли существуют сомнения в том, что любое сообщество “area studies” должно прежде всего состоять из *специалистов в конкретной дисциплине*, владеющих современной методологией и теорией. Политолог, занимающийся Россией, должен быть прежде всего политологом, а уже затем специалистом по российской политике.

Однако зачем же в этой ситуации в принципе требуется поддержание сообществ “area studies”? В принципе можно привести два возможных аргумента в пользу существования специализированных сообществ изучения тех или иных стран. Во-первых, *теоретический аппарат*, необходимый для описания незападных обществ, может отличаться от стандартно принятого в дисциплине. Ярким примером сообщества, ставшего пионером во внедрении таких специализированных теорий, насколько нам известно, являются “китайские исследования” (при этом концепции, основанные на изучении политики или экономики КНР, потом часто усваиваются дисциплиной в целом). В России именно низкая степень рефлексии в использовании языка теорий, разработанных для сильно отличающихся от российского кейсов, уже давно стала предметом дискуссии [Богатуров 1999].

Во-вторых, существование специализированного сообщества “российских исследований” может быть необходимо для того, чтобы стимулировать исследователей к формированию специфического “человеческого капитала”, необходимого для изучения России. Это, например, освоение русского языка, изучение особенностей институциональной среды и культуры страны и т.д. Практически любой исследователь сегодня сталкивается с острым дефицитом времени. Поэтому ученый, стремящийся к успешной научной карьере, вынужден тщательно отбирать, на что ему придется потратить время. И изучение российской институциональной специфики или русского языка в этом отношении

конкурирует с освоением новых статистических и эконометрических методов, языков программирования, теоретических подходов, методов качественных исследований и т.д. Без специальных стимулов (в виде дополнительных возможностей для карьерного продвижения) многие ученые откажутся уделять достаточное внимание приобретению специфических знаний, связанных с Россией.

Что касается первого аргумента, то с точки зрения позитивистских дисциплин, он не бесспорен. Плохая прогностическая способность стандартных теорий для конкретного эмпирического случая не обязательно требует полного отказа от этих теорий. Наоборот, она может рассматриваться как аргумент в пользу совершенствования существующего теоретического аппарата². Более того, такая ситуация отнюдь не специфична для изучения незападных обществ. Исследователи американской или западноевропейской экономик тоже постоянно сталкиваются с новыми явлениями, для объяснения которых существующих теорий оказывается недостаточно. Именно появление подобных новых феноменов с течением времени и является, по некоторым оценкам, основным фактором развития общественных наук [Кошовец 2019]³. Отказ от стандартных теорий к тому же требует и разработки нового научного языка, который серьезно затрудняет коммуникацию в рамках дисциплины в целом [Радаев 2000]. Нередко в исследованиях разных стран для описания схожих феноменов используются разные термины. При этом сравнительная дискуссия часто остается недостаточно развитой⁴.

Но вот второй аргумент, приведенный выше, – проблема формирования специфического человеческого капитала – едва ли может быть подвергнут критике. Даже для исследователей, использующих преимущественно количественные методы, понимание особенности страны изучения – необходимое требование для корректной интерпретации данных; а для “качественников” какой бы то ни было сбор данных без знания языка и культуры страны практически невозможен. Чем больше институциональная и культурная дистанция между страной, где работает исследователь, и страной, которую он изучает, тем важнее аккумуляция человеческого капитала. Для “российских исследований” отсутствие стимулов к изучению культуры, языка и истории страны может привести (и приводит) к появлению потока очень слабых работ с откровенно игнорирующей особенности российского кейса интерпретацией данных. Существование же сообщества “российских исследований” позволяет избежать этой проблемы.

“Российские исследования” в политологии, экономике и социологии

Как же в этой связи выглядит ситуация с развитием сообществ “российских исследований” в отдельных обществоведческих дисциплинах? В политологии существование “российских исследований” как допустимой и важной специализации едва ли подвергается сомнению. Издается ряд журналов, публикующих статьи именно по России (например, *Post-Soviet Affairs*, *Europe-Asia Studies*, *East European Politics*, *Problems of Post-Communism* или *Communist and Post-Communist Studies*) и даже открываются новые издания (например, недавно основанный журнал *Russian Politics*). Регулярно проводятся конференции специалистов по России. При этом статьи с российской тематикой публикуются и в веду-

² Заявив, что наши теории не подходят для объяснения того или иного случая и поэтому для него (например, отдельной страны) нужны другие теоретические подходы, мы, по сути дела, расписываемся в собственном бессилии: оказываемся не в состоянии (и даже не пытаемся!) объяснить, почему теории “работают” в одной стране, но “не работают” в другой. Если же мы всерьез пытаемся дать объяснение этим различиям, от идеи разработки отдельных “страновых” теорий следует отказаться в пользу универсальных теорий, способных адекватно объяснить в том числе и межстрановые различия.

³ В этом общественные науки принципиально отличаются от естественных, объект изучения которых со временем в принципе не меняется.

⁴ Примером может быть изучение субнациональной политики в “российских” и “китайских” исследованиях [Libman, Rochlitz 2019].

щих журналах дисциплины. Можно даже утверждать, что с российскими данными опубликоваться, например, в *American Political Science Review* или *World Politics* проще, чем с данными большинства западноевропейских стран (например, Германии или Франции). В Германии практически все профессорские позиции в общественных науках, специализирующиеся на России, находятся на политологических факультетах. Можно спорить о том, сколь привлекательна специализация на России по сравнению с другими национальными специализациями – например, с исследованиями Китая, стран Ближнего Востока или Латинской Америки, – но само по себе наличие “российской специализации” как части политической науки признается всеми политологами.

В экономической науке ситуация сложнее. Без сомнения, можно утверждать, что специального сообщества “российских исследований” в экономической науке нет; хотя и существуют отдельные журналы, публикующие преимущественно статьи, основанные на восточноевропейском материале (*Post-Communist Economies*, *Economics of Transition*, *Comparative Economic Studies* или *Economic Systems*). Их влияние в дисциплине невелико и, что еще важнее, специализация на Восточной Европе в них в большинстве случаев сохраняется лишь в силу традиции – хорошая статья, основанная на материале стран, не относящихся к посткоммунистическому региону, в большинстве из них имеет все шансы на опубликование. Ведущий некогда журнал в области изучения Восточной Европы – *Journal of Comparative Economics* – сейчас, скорее, специализируется на политической экономике или экономике развития, хотя традиционно публикует работы, основанные на материале постсоветских стран или Китая. Ситуация, когда западный университет стремится пригласить именно специалиста по экономике России, насколько мне известно, исключительна.

В то же время, хотя сообщество “российских исследований” в экономике и отсутствует, сами по себе исследования России, безусловно, существуют. Немало экономистов публикуют статьи на российском материале, если полученные результаты представляют интерес для дисциплины в целом. Однако при этом, наверное, лишь абсолютное меньшинство экономистов признают себя “специалистами по России”: речь идет лишь об отдельных исследовательских проектах, использующих российские данные. Причем в списке публикаций большинства экономистов такие работы будут сочетаться со статьями, использующими данные других стран и регионов.

Ситуацию в социологии оценить сложнее всего, во-первых, потому что в этой дисциплине национальные особенности до сих пор играют более важную роль, чем в экономике или политологии, а во-вторых, потому что социология сильно фрагментирована: скажем, специалисту по критической теории трудно найти общий язык со специалистом в области аналитической социологии. Тем не менее, насколько можно судить, в социологии не существует ни сообщества “российских исследований”, ни сколь бы то ни было существенного внимания к России как таковой. В отличие от экономики или политологии, отсутствуют журналы, в которых регулярно публикуются статьи по России. И хотя, разумеется, есть влиятельные социологи, работающие преимущественно с российским материалом, в более знакомой мне области количественных исследований их число можно пересчитать по пальцам. В Германии, насколько можно судить, работа с российским материалом для количественных социологов в какой-то степени является недостатком, снижающим шансы на успешную научную карьеру (то же самое касается данных из практически всех других стран, за исключением членов ЕС, других западноевропейских государств и США).

Чем же можно объяснить существование таких серьезных различий между дисциплинами? На мой взгляд, эти различия могут быть связаны с двумя обстоятельствами: логикой организации исследований (скажем, структурой субдисциплин, важными темами для изучения) и “механизмами отбора” качественных исследований для научной карьеры (в качестве таковых могут использоваться, например, иерархия журналов, индексы цитирования или неформальные рекомендации).

Проще всего объяснить (относительную) стабильность “российских исследований” в политологии. Во-первых, одна из ключевых субдисциплин этой науки – “сравнительная политология”, то есть область, предмет которой – сравнительный анализ политических явлений и процессов в разных странах. Для такого сравнительного анализа детальное изучение политических институтов отдельных стран абсолютно необходимо⁵. В некоторых странах (например, США) существует дифференциация между собственно “сравнительной политологией” (*comparative politics*), занимающейся политическими системами других стран, и сферой изучения собственной политической системы (*American politics*) – это еще больше облегчает сохранение сообществ “*area studies*”. В Европе “сравнительная политология” обычно включает и изучение собственной политики (например, политики Германии или Великобритании), что осложняет ситуацию для специалистов, занимающихся незападными обществами, на рынке труда, но и в этих странах специализация на конкретном регионе или стране в общем и целом вписывается в логику дисциплины.

Сравнительная политология, как следует из самого названия дисциплины, основное внимание уделяет сопоставлению различных политических систем. Потому интеграция “*area studies*” в мейнстрим политической науки также требует их ориентации на сравнительный подход. В связи с этим большое внимание уделяется идее так называемых “сравнительных региональных исследований” (*comparative area studies*), которая подчеркивает необходимость сочетания детальных знаний о тех или иных регионах или странах и сравнительного подхода [Comparative... 2018]. Однако в последние годы расцвет в сравнительной политологии переживают как раз исследования, посвященные анализу отдельных стран [Pepinsky 2019]. Причины этого связаны с активным использованием сравнительного анализа субнациональных регионов [Snyder 2001] и применением микроданных (например, опросов). В этом случае “сравнительный” характер анализа обеспечивается использованием общего теоретического подхода, на основе которого формулируются гипотезы для анализа, или применением формальных методов к отбору страновых кейсов [Seawright, Gerring 2008]. Однако анализ субнациональных регионов (кстати сказать, являющийся одним из основных направлений исследований России в политологии) или проведение опросов требуют детального знания конкретных стран, то есть соответствуют логике создания сообществ “*area studies*”.

Во-вторых, в последние годы в центре внимания сравнительной политологии во все большей степени оказывается изучение авторитарных политических режимов, а также режимов, “пограничных” с авторитарными: рамки этой статьи едва ли дают нам возможность детально обсудить сложности классификации последних (“гибридные режимы”, “дефектные демократии”, “конкурентный авторитаризм” и т.д.). Если еще недавно основное внимание в изучении автократий уделялось проблеме стабильности режима и потенциального демократического транзита, то сегодня все больше исследователей основное внимание уделяют изучению внутренней логики авторитарных режимов, механизмов воспроизводства властных отношений, проблем коммуникации и передачи информации между уровнями политической иерархии, стимулов для роста и для поиска ренты и т.д. Постсоветские страны и Россия – особенно с ее субнациональной вариацией – оказывается прекрасной лабораторией для анализа подобных феноменов [Frye 2012].

В экономической науке ситуация для специального сообщества “российских исследований” гораздо менее благоприятна. Дело в том, что Россия после исчезновения “экономики переходного периода” (*economics of transition*) как субдисциплины в начале 2000-х гг.⁶ в каком-то смысле попадает в “зазор” между изучением развитых стран и исследованием развивающихся экономик (*development economics*). Многие проблемы

⁵ Для сравнения: в экономической науке “сравнительная экономика” традиционно занималась сравнением плановой и рыночной систем, а сегодня она практически не существует как дисциплина. Насколько мне известно, “сравнительная социология” как дисциплина никогда не существовала.

⁶ Причиной упадка “экономики переходного периода” стало завершение базовых рыночных реформ в большинстве стран Восточной Европы.

последних для России нехарактерны, а использовать ее для тестирования тех же гипотез, для которых применяются данные европейских стран или США, не имеет смысла, хотя бы в силу того, что данные из России, как правило, будут несколько худшего качества⁷, и более того, особенности российской экономики и политики смогут затруднить интерпретацию результатов с точки зрения тестируемых гипотез.

В последние годы эмпирические исследования в экономической науке развиваются преимущественно в рамках так называемого “эксперименталистского” подхода, в котором основное внимание уделяется поиску специфических ситуаций – так называемых “естественных экспериментов”, – позволяющих выявить причинно-следственную связь между явлениями [Либман 2018]. В этой ситуации изучение российских данных представляет интерес для исследователя лишь в той степени, в которой они соответствуют критериям “естественных экспериментов”, что, конечно, делает специализацию на конкретной стране малопродуктивной.

Насколько можно судить, сегменты экономической науки, в которых существует устойчивый интерес к изучению России, формируются в связи с теми же соображениями, что и в политологии – речь идет о так называемой “политической экономике” (*political economics*), то есть области экономической науки, посвященной анализу политических процессов экономическими методами. Для этой субдисциплины изучение авторитарных режимов представляет не меньший интерес, чем для политологов. Другой пример – изучение России в литературе, посвященной влиянию исторических факторов на современное экономическое и политическое развитие (*legacy research*). Таких работ немало и в экономике, и в политологии, и их авторы руководствуются одними и теми же соображениями: сложный исторический путь посткоммунистических стран делает их идеальным полем изучения влияния истории на экономику и политику [Libman 2018]. Поскольку в политологии количественные методы, близкие или идентичные тем, которые используют экономисты, также получили очень большое распространение, грань между политологией и “политической экономикой” в сообществе “российских исследований” часто условна.

Есть, впрочем, и еще один фактор, обеспечивающий, как минимум, возможность сохранения исследований России (но не сообщества “российских исследований”) в экономике. В экономической науке в большей степени, чем во всех других общественных науках, главным критерием оценки работы исследователя являются публикации в рецензируемых журналах, при этом существует общепризнанный рейтинг таких журналов, который (с небольшими вариациями) используется практически во всех развитых странах. Для сравнения: в политологии, кроме журнальных статей, учитываются еще монографии в престижных издательствах, но, что гораздо важнее, существуют определенные расхождения в том, какие журналы признаются ведущими в отдельных странах или сообществах. В социологии, насколько я могу судить, универсальные критерии оценки качества научных работ отсутствуют, и каждое сообщество разрабатывает их для себя самостоятельно⁸. Это означает, что, например, если экономист, работающий с российскими данными,

⁷ Существуют и исключения: в некоторых случаях российская статистика публикует данные, которые недоступны в ряде развитых стран – в связи или с более жесткой защитой личных данных, или с политическими проблемами (скажем, все, касающееся работы налоговых ведомств, в Германии является крайне чувствительной темой, поэтому данные в этой области практически отсутствуют, в то время как ФНС публикует гораздо более детальную информацию о своей работе). Некоторые исследователи используют данные, доступные в Интернете и опубликованные там в нарушение российского законодательства (об этических и прагматических проблемах и преимуществах использования таких данных см. [Warren 2016]).

⁸ Что привело, например, в Германии к ситуации, возможно, знакомой многим российским обществоведам: списки “ведущих немецких социологов” с точки зрения публикаций в (немецких!) социологических журналах (таких как *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*) и с точки зрения “постов” в Немецкой социологической ассоциации (DGS) практически не совпадают [Gerhards 2002]. Что касается международных публикаций, то они есть далеко не у всех социологов (даже у более интернационализированной группы специалистов по количественным методам), и уж в любом случае рейтинг журналов, на который будет ориентироваться немецкий социолог (даже признающий такой рейтинг в принципе), не будет совпадать с рейтингом журналов, на который будет ориентироваться, например, социолог в США или во Франции.

регулярно публикуется в ведущих журналах дисциплины⁹, у него не возникнет никаких проблем с поиском работы или продвижением по карьерной лестнице. В политологии же¹⁰ даже блестящий специалист по российской политике с публикациями в топ-журналах не имеет никаких шансов на должность, если университет стремится нанять специалиста по немецкой политике или по политической теории.

Последнее обстоятельство и является, наверное, одной из причин практически полного отсутствия “российских исследований” в социологии (повторюсь – за некоторыми очень важными исключениями). Предельная фрагментация науки делает крайне рискованной специализацию на “непривычных” для большинства исследователей того или иного сообщества кейсах или данных (так, немецкий университет в большинстве случаев будет с крайней осторожностью относиться к найму социолога, не занимающегося Германией, хотя бы потому, что возникнет вопрос, в какой степени этот социолог в состоянии читать курсы, например, по социальной структуре немецкого общества; в экономике же такой вопрос вообще не встанет, поскольку главным критерием найма будет наличие публикаций в топ-журналах). К тому же особенности российского общества и постсоветских стран, столь интересные для политологов и специалистов в области “политической экономики”, едва ли вызывают интерес у социологов, а для тем, интересных социологам (например, гендерного неравенства), Россия, хотя и представляет сейчас интересный кейс, все же не обладает для исследователя исключительной привлекательностью. Наконец, в какой-то степени отсутствие интереса социологов к России может быть связано с все еще сохраняющимся восприятием изучения развитых обществ как основной миссии социологии как науки¹¹.

Подводя итог, можно сделать вывод, что интерес к России, позволяющий в политологии даже сохраняться и функционировать специфическому сообществу “российских исследований”, во многом связан со специфическими негативными явлениями в развитии российского общества и российской политики. Это делает Россию привлекательной для тестирования ряда важных политологических и политико-экономических теорий. Данный вывод в принципе не нов¹². Однако он не позволяет ответить на вопрос о привлекательности другой альтернативы: отношения к “российским исследованиям” на Западе как к своего рода виду научного “международного разделения труда”, в котором изучение российской экономики, российской политики и российского общества осуществляется прежде всего силами самих российских ученых. Эту альтернативу более детально обсудим в следующем разделе.

Российские исследования или международное разделение труда?

Как уже отмечалось ранее, дискуссия о необходимости более интенсивного изучения России (или об адекватности современного уровня анализа) на Западе ведется достаточно интенсивно. В то же время практически отсутствует другая дискуссия – о необходимости формирования сообществ “*area studies*”, посвященных изучению других западных стран. В Германии, например, существуют профессорские позиции в области изучения России (пусть их и немного), и в области изучения Китая, а вот специализированных кафедр, посвященных изучению, скажем американской, английской или французской

⁹ Надо отметить, что эти журналы все же более склонны публиковать работы, основанные на американских данных [Das, Do, Shaines, Srikant 2013], но при этом статьи, использующие данные других стран, также публикуются весьма активно.

¹⁰ Так как в этой дисциплине, в силу меньшей значимости иерархии журналов, публикации не компенсируют недостаточное соответствие исследовательской повестки дня тематическому профилю позиции.

¹¹ Этот вывод основан на обсуждении мною данной темы с рядом немецких коллег и поэтому должен восприниматься с осторожностью. Анализом незападных обществ, с этой точки зрения, должна заниматься антропология, развитие которой, однако, находится вне поля зрения данной статьи.

¹² И. Савельева и А. Полетаев [Савельева, Полетаев 2009] приходят к аналогичному выводу относительно восприятия работ российских обществоведов на Западе.

политики либо нет, либо их гораздо меньше. Изучение ЕС, его институтов и практик, практически полностью сосредоточено в странах Евросоюза (в той же Германии специалисты по ЕС – наверное, наиболее влиятельная группа политологов, и даже многие специалисты по России и Восточной Европе основное внимание уделяют изучению отношений России и ЕС). В США же этой темой занимаются гораздо меньшее число специалистов. Такая ситуация не является чем-то необычным – и американские, и немецкие, и английские политологи и экономисты вовлечены в общий международный диалог, в котором на основе общих теоретических и методологических подходов для каждого исследователя специализация на своей собственной стране естественна (просто в силу очевидных преимуществ с точки зрения знания языка, данных и институтов).

Исходя из этой логики, в изучении России в западных странах, в принципе, нет необходимости: достаточно лишь наладить диалог с российскими исследователями, естественный вклад которых в международное разделение научного труда и будет состоять в привнесении в общую “копилку” знаний результатов своего изучения российского общества, российской экономики и российской политики. Сказанное, конечно, не “запрещает” тем или иным немецким или американским экономистам или политологам заниматься изучением России. Нежелательно лишь создание для них специальных институциональных преимуществ, позволяющих сохраняться “российским исследованиям”, поскольку, даже если в конечном счете никто из специалистов по данной проблематике не выживет в западных странах в острой конкурентной борьбе, неизбежно существующей в современной науке, изучение России все равно будет осуществляться в самой России¹³.

В 2000-е гг., действительно, логика “международного разделения труда” в изучении России, казалось бы, описывала привлекательный сценарий будущего развития дисциплины. Появление отдельных научных центров, интегрированных в мировую научную дискуссию (таких, как Российская экономическая школа, часть Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”, Европейский университет в Санкт-Петербурге и др.), позволяло надеяться, что в обозримом будущем ключевой вклад в изучение России будут вносить специалисты, работающие в России. И сегодня вклад российских ученых в изучение России очень важен и ни в коем случае не должен недооцениваться.

Однако представление о том, что развитие общественных наук в самой России делает изучение России за рубежом менее важным, как представляется, не оправдалось. Проблемы интеграции российского научного сообщества в мировое нетривиальны [Соколов, Титаев 2013]. Формальные требования по публикации выводов исследований в международных журналах со стороны российской научной бюрократии скорее ведут к распространению разного рода имитационных стратегий, чем к реальной интеграции научных сообществ. Не следует недооценивать и роль политических факторов, влияющих на мотивацию российских исследователей¹⁴, и просто недостаток ресурсов.

Между тем возникает парадоксальная ситуация: как раз те факторы, которые осложняют интеграцию российской и мировой социальной науки, увеличивают интерес к российским исследованиям на Западе. Например, в Германии резкий рост внимания

¹³ Приведенный аргумент, безусловно, уязвим с двух точек зрения. Во-первых, он касается исключительно собственно научных исследований, а не преподавания или политического консультирования: для последних хватит наличия спроса со стороны студентов или политиков, а “аутсорсинг” изучения России в Россию тут не является достаточным. Во-вторых, для непозитивистских дисциплин (скажем, гуманитарных наук, но и части социологии) принципиальный интерес представляет сохранение различных национальных перспектив. Например, American Studies в немецком литературоведении и American Studies в США дают совсем разные перспективы на предмет своего исследования, потому что личность исследователя неизбежно влияет на восприятие им объекта исследования. Для позитивистских наук (с точки зрения которых во многом написан этот текст) результаты исследования не должны зависеть от личности исследователя, так что аргумент о необходимости сохранения различных “национальных точек зрения” в науке неприменим.

¹⁴ Примером можно считать точку зрения, изложенную в [Фененко 2016; Черняховский 2017]. Очевидно, что такая позиция российских исследователей делает “международное разделение труда”, описанное здесь, едва ли возможным.

к изучению России связан с конфронтацией между Россией и странами ЕС, начавшейся с 2014 г. Но эта конфронтация, в то же время, не может не оказывать негативного влияния и на диалог между российскими и немецкими учеными. Иначе говоря, опасаться, что международное разделение труда в науке сделает существование “российских исследований” на Западе избыточным, не приходится.

В завершение следует заметить, что международное разделение труда в принципе может функционировать и в рамках другой логики – источника научных кадров. Тот же Фрай, в уже цитированной статье, признает, что в США сегодня гораздо меньше студентов изучает русский язык, чем раньше, но не считает это проблемой: по его собственному признанию, значительное число его докторантов (впоследствии успешно продолживших работу на международном рынке труда) были выходцами из России, то есть в курсах русского языка не нуждались.

Насколько можно судить, этот фактор играет немаловажную роль в развитии многих сообществ “российских исследований” за рубежом. Выходцы из России, получающие ученые степени в западных университетах, становятся естественными кандидатами на ставки профессоров и доцентов “российских исследований”¹⁵. Конечно, эмигранты всегда в той или иной степени играют роль в формировании сообществ “*area studies*”, но в современных условиях открытых границ и ставшего более тесным мира их роль резко возрастает. Это особенно важно с точки зрения проблем, которые будут рассмотрены в следующем разделе.

Эмоции и наука

Хотя еще со времен М. Вебера принцип “свободы от ценностных оценок” (*Werturteilsfreiheit*) признается многими (хотя и не всеми) обществоведами как критерий отличия научного знания от ненаучного, конечно, полностью избежать влияния “внеаучных факторов” – эмоций, политических предпочтений или личных убеждений – на работу ученого крайне сложно. Немало российских обществоведов критикуют изучение России за рубежом именно с точки зрения возможной “политической ангажированности” ученых. Конечно, утверждать, что эта проблема полностью отсутствует, едва ли возможно, но и переоценивать ее, думаю, не стоит. Для большинства университетских ученых на Западе политика и общественное мнение играют второстепенную роль. Научная карьера определяется прежде всего мнением коллег. За исключением немногочисленных ученых, регулярно общающихся с прессой или консультирующих правительственные органы, результаты научных работ многих исследователей едва ли кому-то известны (и, скорее всего, никому не интересны) за пределами стен университетов. При этом общественное признание как “публичного интеллектуала” или внимание чиновников научной карьере не способствует¹⁶.

Поэтому на практике для ученых важны скорее не “общественная дискуссия” по той или иной теме, а специфические нормы и представления их собственной дисциплины. А вот в этом отношении давление на исследователя может оказаться очень сильным. Представители гендерных исследований и “*cultural studies*” регулярно оказываются жертвами разного рода провокаций, когда журналы соответствующих дисциплин публикуют статьи, содержащие откровенную бессмыслицу, но соответствующие нормативным и политическим предпочтениям научного сообщества¹⁷. Впрочем, проблема идеологизированности может быть свойственна и количественным дисциплинам. Для конкретного

¹⁵ Это справедливо, однако, не для всех стран (в Германии, например, примеров выходцев из России, занимающихся российской тематикой и ставших профессорами политологии, экономики или социологии, практически нет).

¹⁶ В Германии такое внимание – скорее, фактор, мешающий добиться успеха в науке и уважения коллег. В США и Великобритании пространство для “пересечения границ” науки и политики, науки и общественной дискуссии гораздо больше.

¹⁷ Новейший пример такой провокации см: https://en.wikipedia.org/wiki/Grievance_Studies_affair.

исследователя это означает, что критика “идеологического консенсуса”, если таковой существует в дисциплине, связана с серьезным риском для долгосрочной карьеры. Однако “*area studies*” (и “российские исследования”) в этом отношении ничем не отличаются от других научных сообществ, и о какой-то специальной проблеме “политической ангажированности” в отношении специалистов по России говорить не приходится. По сути, обществу и политике дискуссии ученых не настолько интересны, чтобы уделять внимание тому, соответствуют ли они господствующим политическим предпочтениям или нет.

Влияние “внешних факторов” на изучение России на Западе связано и со специфической проблемой, касающейся не столько “искажения” результатов исследования, сколько существования “российских исследований” как таковых. Наука зависит от финансирования; “российские исследования” нуждаются в специальных инвестициях в воспроизводство человеческого капитала (знаний о России, знаний русского языка, если мы не имеем дело с “импортом” кадров из самой России). Если внутренняя логика развития какой-то дисциплины в текущий момент не поддерживает интереса к России или этот интерес уменьшается, может возникнуть ситуация, когда финансирование окажется недостаточным для элементарного воспроизводства научного сообщества. А затем, когда изучение России станет соответствовать логике развития дисциплины, этого, во-первых, некому будет заметить, и во-вторых, не найдется достаточного числа специалистов по данной тематике. В крупных научных сообществах (например, в США или Великобритании) такое “исчезновение” российских исследований представляется маловероятным. Но вот в странах, где число постоянных позиций в науке невелико (как, например, в Германии), такой риск существует. Однако опять же, речь идет о внутренней логике развития дисциплин в большей степени, чем о влиянии политики. Последняя может “поддаться” лоббистскому давлению со стороны научного сообщества, если собственная логика политических решений диктует необходимость большего интереса к России, и “российские исследования” смогут получить дополнительное финансирование. Однако такие периоды достаточно ограничены во времени – раньше или позже интерес политики к работе ученых падает.

Тем не менее специфическая проблема “искажения результатов” под влиянием внеаучных факторов, в “*area studies*” существует, и ее не следует недооценивать. Сообщество “российских исследований”, по определению, состоит из людей, потративших годы жизни на изучение русского языка и многократно бывавших в России. Как правило, люди идут на подобные инвестиции времени и усилий лишь при наличии глубокого *личного* интереса к предмету своего исследования. Иначе говоря, на Западе для многих специалистов по России стартовой точкой стало, например, восхищение русской культурой (литературой или музыкой), что и заставило их в какой-то момент начать изучать русский язык и в итоге стать частью сообщества “российских исследований”. Это означает, что существует принципиальная асимметрия между специалистами “*area studies*” и большинством научных сообществ. Изучение эконометрики, политической теории или функционирования работы американского Конгресса для американского ученого связано исключительно с *научными* интересами, которые могут носить стратегический характер (то есть стремлением ориентироваться на те области, в которых существуют лучшие шансы для научной карьеры), а могут быть связаны с чисто интеллектуальным интересом. Изучение российской политики для американского ученого часто (хотя и не всегда – нам известно немало примеров исследователей, для которых выбор России как предмета изучения носил чисто интеллектуальный или стратегический характер) будет связано и с личными симпатиями к России.

Сказанное, на мой взгляд, превращается в проблему для сообщества “российских исследований”. В предельном случае личные пристрастия будут способствовать своеобразной “ориентализации” России в умах специалистов по российской экономике и российской политике. Концепция “ориентализма” Э. Саида предполагает, что западные исследователи развивающихся стран (осознанно или неосознанно) подчеркивают в своих работах *чуждость* незападных обществ, наличие у них черт, отсутствующих в западной культуре. Для Саида эта ситуация связана прежде всего с логикой (пост)колониального господства

и подчинения; для нас же важнее признать, что “ориентализация” ведет к искажению оценок и восприятия российской реальности со стороны западных исследователей, чрезмерно подверженных этому явлению. Осознанно или неосознанно, они будут в своих работах подчеркивать *отличия* России и западных обществ (поскольку именно эти отличия и стали в конечном счете причиной возникновения их интереса к России).

Даже если эта проблема и не возникает (например, в количественных исследованиях применение формальных методов позволяет несколько снизить влияние личных предпочтений ученого на сам исследовательский процесс), исходная личная заинтересованность в анализе специфики именно России может привести к другой проблеме – снижению интереса к собственно “научной” проблематике, методологии и теории. Ученый, для которого стартовым импульсом к изучению России стало восхищение российским обществом и российской культурой, едва ли согласится провести месяцы и годы, занимаясь анализом количественных данных или тратить вечера и выходные дни на чтение эконометрических статей. А ведь именно восхищение наукой как таковой (теорией и методологией) и является сегодня основой мотивации, позволяющей ученому выжить в предельно конкурентной научной среде.

Интересно, что с точки зрения описанных аргументов как раз выходцы из России, возможно, будут в большей степени свободны от влияния эмоций и относиться к предмету своего изучения преимущественно как к стратегическому или интеллектуальному выбору, позволяющему внести вклад в науку и добиться успеха в научном сообществе. В принципе, именно эмигрантов из России часто воспринимают как особенно эмоциональных и пристрастных наблюдателей российского общества. Однако, на мой взгляд, в этом случае речь может идти лишь о тех из них, кто сознательно принял решение об отъезде из России. Для большинства же выходцев из России в западной науке сегодня речь идет, скорее, о постепенном процессе построения научной карьеры, начинающемся с обучения в докторантуре и не требующем принятия эмоциональных решений о “разрыве связей” с родиной, способных внести “искажения” в анализ и исследовательскую повестку дня.

* * *

Подведем итоги. В данной статье я попытался рассмотреть три вопроса: какие факторы влияют на стабильность или упадок российских исследований на Западе; как соотносятся российские исследования на Западе и изучение России в самой России; какие “искажения” свойственны российским исследованиям за рубежом. Ответ на первый вопрос, наверное, можно сформулировать следующим образом: российские исследования “процветают” в тех дисциплинах, где (а) существование “*area studies*” в принципе вписывается в логику дисциплины и (б) Россия является привлекательной лабораторией для изучения феноменов, представляющих интерес для дисциплины в целом. На сегодняшний день это справедливо прежде всего для политологии. Подчеркну, что речь идет лишь об относительном расцвете – и политологические исследования России переживали периоды упадка (когда, как отмечалось выше, возникали риски для воспроизводства человеческого капитала). Однако на сегодняшний день с учетом ситуации в самой российской политике угроз для интереса политологов к России нет.

Точно так же (с точки зрения второго вопроса) на сегодняшний день проект международного разделения научного труда представляется маловероятным. Причем именно факторы, сдерживающие развитие общественных наук в России и их интеграцию в мировую научную дискуссию, делают изучение России особенно привлекательными. Сказанное, естественно, ни в коем случае не означает, что российские ученые не вносят существенный вклад в изучение российских экономики, политики и общества – естественно, в российских университетах и институтах РАН работают немало важных специалистов по изучению России. Но надеяться на то, что российская наука полностью сможет “обработать” весь массив интересных вопросов и данных, связанных с Россией, как мне представляется, сегодня нельзя.

Наконец, давая ответ на третий вопрос, стоит подчеркнуть: представление о чрезмерной политической ангажированности западных специалистов, изучающих Россию, кажется, выглядит несколько упрощенным. Конечно, было бы наивно полагать, что общественные настроения и политика не влияют на эмоции и, как следствие, логику ученых. Однако гораздо важнее, как мне представляется, моды и нормы научных сообществ, их формирования имеют свою специфику. И в этом отношении “российские исследования” не отличаются от других областей общественных наук. Еще важнее другая проблема (которой, на мой взгляд, часто уделяют недостаточно внимания) – наличие тесных “эмоциональных связей” между предметом изучения и многими (хотя, конечно, далеко не всеми!) специалистами по России, которые могут привести к определенным “искажениям” исследовательской повестки дня и ее результатов. С моей точки зрения, представленные в статье аргументы и выводы могут стать предметом специального обсуждения всех, кто сегодня занят изучением российской проблематики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Богатуров А.Д. (1999) Десять лет парадигмы освоения // *Pro et Contra*. Т. 5. № 1. С. 195–201.
- Кошовец О.Б. (2019) Горизонтальный прогресс экономической науки: между конструируемой реальностью и технаукой. М.: Институт экономики РАН.
- Либман А.М. (2010) Границы дисциплин и границы сообществ (Два аспекта экономического империализма) // *Общественные науки и современность*. № 1. С. 134–146.
- Либман А.М. (2018) Эмпирические исследования в экономике: революция достоверности? // Куда движется современная экономическая наука? М.: Институт экономики РАН. С. 34–52.
- Радаев В.В. (2000) Есть ли шанс создать российскую национальную теорию в социальных науках? // *Pro et Contra*. Т. 5. № 3. С. 207–208.
- Савельева И.М., Полетаев А.В. (2009) Публикации российских авторов в зарубежных журналах по общественным и гуманитарным дисциплинам в 1993–2008 гг.: Количественные показатели и качественные характеристики. М.: ГУ-ВШЭ.
- Соколов М.М., Титаев К.Д. (2013) Провинциальная и туземная наука // *Антропологический форум*. Т. 19. С. 239–275.
- Фененко А.В. (2016) Почему в Америке не любят публиковать российских авторов? // *Международные процессы*. Т. 14. № 1. С. 172–180.
- Черняховский С.Ф. (2017) О целях и задачах исторического исследования // *Власть*. № 12. С. 7–10.
- Comparative Area Studies: Methodological Rationales and Cross-Regional Applications (2018) Ed. by A.I. Ahram, P. Köllner, R. Sil. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Das J., Do Q.T., Shaines K., Srikant S. (2013) US and Them: The Geography of Academic Research // *Journal of Development Economics*. Vol. 105. Pp. 112–130.
- Demirjian K. (2015) Lack of Russia Experts Has Some in the U.S. Worried // *Washington Post*. 30 December (https://www.washingtonpost.com/news/powerpost/wp/2015/12/30/lack-of-russia-experts-has-the-u-s-playing-catch-up/?noredirect=on&utm_term=.73b4f9f90793).
- Ekiert G. (2015) Three Generations of Research on Post-Communist Politics: A Sketch // *East European Politics and Societies*. Vol. 29. Issue 2. Pp. 323–337.
- Engerman D.C. (2009) *Know Your Enemy: The Rise and Fall of America's Soviet Experts*. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Frye T. (2012). In from the Cold: Institutions and Causal Inference in Postcommunist Studies // *Annual Review of Political Science*. Vol. 15. Pp. 245–263.
- Frye T. (2017) Russian Studies Are Thriving, not Dying // *National Interest*. 3 October (<https://nationalinterest.org/feature/russian-studies-thriving-not-dying-22547>).
- Gans-Morse J. (2004) Searching for Transitologists: Contemporary Theories of Post-Communist Transitions and the Myth of a Dominant Paradigm // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 20. Issue 4. Pp. 320–349.
- Gerhards J. (2002) Reputation in der deutschen Soziologie: Zwei getrennte Welten // *Soziologie*. Heft 2. S. 19–33.
- Grigas A. (2016) Growing the Next Generation of Russia Experts // *The Hill*. 8 March (<https://thehill.com/blogs/pundits-blog/international/272163-growing-the-next-generation-of-russia-experts>).
- King C. (2015) The Decline of International Studies // *Foreign Affairs*. July / August (<https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/decline-international-studies>).

- Kubicek P. (2000) Post-Communist Political Studies: Ten Years Later, Twenty Years Behind? // *Communist and Post-Communist Studies*. Vol. 33. Issue 3. Pp. 295–309.
- Libman A. (2018) Der lange Schatten der Vergangenheit: Historisches Erbe und quantitative Sozialwissenschaften // *Osteuropa*. Jg. 68. Heft 6. S. 49–66.
- Libman A., Rochlitz A. (2019) *Federalism in China and Russia: Story of Success and Story of Failure?* Cheltenham: Edward Elgar.
- Pepinsky T.B. (2019) The Return of the Single-Country Study // *Annual Review of Political Science*. Vol. 22. DOI: 10.1146/annurev-polisci-051017-113314.
- Sapper M. (2017) Mehr Expertise wagen: Russland- und Osteuropakompetenz in Deutschland // Bundeszentrale für die politische Bildung (<http://www.bpb.de/apuz/248512/mehr-expertise-wagen-russland-und-osteuropakompetenz-in-deutschland?p=all>).
- Schröder H. (2013) Über die Misere der Osteuropaexpertise // Bundeszentrale für die politische Bildung (<http://www.bpb.de/internationales/europa/russland/analysen/154469/kommentar-ueber-die-misere-der-osteuropakompetenz>).
- Seawright J., Gerring J. (2008) Case Selection Techniques in Case Study Research: A Menu of Qualitative and Quantitative Options // *Political Research Quarterly*. Vol. 61. Issue 2. Pp. 294–308.
- Snyder R. (2001) Scaling Down: The Subnational Comparative Method // *Studies in Comparative International Development*. Vol. 36. Issue 1. Pp. 93–110.
- Sonin K. (2013) The End of Economic Transition // *Economics of Transition*. Vol. 21. Issue 1. Pp. 1–10.
- Warren P.L. (2016) Research with Leaked Data // *Society for Institutional and Organizational Economics*. (<https://www.sioe.org/news/research-leaked-data>).

Studying Russia in the Western Science: Problems and Development Logic

A. LIBMAN*

* **Libman Alexander** – PhD in Economics, Professor of Social Sciences and Eastern European Studies, Ludwig Maximilian University of Munich. Address: Institute of Sociology, LMU Munich, Konradstraße 6, 80801 Munich, Germany, email: alexander.libman@soziologie.uni-muenchen.de

Abstract

The paper offers a comparative analysis of the role Russian studies play in main social science disciplines (economics, political science and sociology) in the Western European countries and the US. It discusses the reasons for relative stability of the Russian studies community in some disciplines and for limited attention to Russia in others. It investigates the interaction between the Russian studies in the West and the social sciences in Russia. It addresses the main problems of the development of Russian studies in the West.

Keywords: Russian studies, social sciences, international division of labor in science, science and emotions.

REFERENCES

- Ahram A.I., Köllner P., Sil R. (Eds.) (2018) *Comparative Area Studies: Methodological Rationales and Cross-Regional Applications*. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Bogaturov A.D. (1999) Desyat Let Paradigmy Osvoeniya [Ten Years of the Mastering Paradigm] *Pro et Contra*, vol. 5, no. 1, pp. 195–201.
- Chernyakhovskiy S.F. (2017) O Tselyakh i Zadachakh Istoricheskogo Issledovaniya [On Aims and Purposes of the Historical Research]. *Vlast*, no. 12, pp. 7–10.
- Das J., Do Q.T., Shaines K., Srikant S. (2013) US and Them: The Geography of Academic Research. *Journal of Development Economics*, vol. 105, pp. 112–130.
- Demirjian K. (2015) Lack of Russia Experts Has Some in the U.S. Worried. *Washington Post*, 30 December (https://www.washingtonpost.com/news/powerpost/wp/2015/12/30/lack-of-russia-experts-has-the-u-s-playing-catch-up/?noredirect=on&utm_term=.73b4f9f90793).

- Ekiert G. (2015) Three Generations of Research on Post-Communist Politics: A Sketch. *East European Politics and Societies*, vol. 29, no. 2, pp. 323–337.
- Engerman D.C. (2009) *Know Your Enemy: The Rise and Fall of America's Soviet Experts*. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Fenenko A.V. (2016) Pochemu v Amerike Ne Lyubyat Publikovat Rossiyskikh Avtorov [Why They Don't Like to Publish Russian Authors in America]. *Mezhdunarodnye protsessy*, vol. 14, no. 1, pp. 172–180.
- Frye T. (2012). In from the Cold: Institutions and Causal Inference in Postcommunist Studies. *Annual Review of Political Science*, vol. 15, pp. 245–263.
- Frye T. (2017) Russian Studies Are Thriving, not Dying. *National Interest*, 3 October (<https://nationalinterest.org/feature/russian-studies-thriving-not-dying-22547>).
- Gans-Morse J. (2004) Searching for Transitologists: Contemporary Theories of Post-Communist Transitions and the Myth of a Dominant Paradigm. *Post-Soviet Affairs*, vol. 20, no.4, pp. 320–349.
- Gerhards J. (2002) Reputation in der deutschen Soziologie: Zwei getrennte Welten. *Soziologie*, Heft 2, S. 19–33.
- Grigas A. (2016) Growing the Next Generation of Russia Experts. *The Hill*, 8 March (<https://thehill.com/blogs/pundits-blog/international/272163-growing-the-next-generation-of-russia-experts>).
- King C. (2015) The Decline of International Studies. *Foreign Affairs*, July / August (<https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/decline-international-studies>).
- Koshovets O.B. (2019) *Gorizontally Progress Ekonomicheskoi Nauki: Mezdu Konstruiruemoy Real'nostyu i Tekhnonomikoi* [Horizontal Progress of Economics: Between Constructed Reality and Technocratic Science]. Moscow: IE RAS.
- Kubicek P. (2000) Post-Communist Political Studies: Ten Years Later, Twenty Years Behind? *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 33, no. 3, pp. 295–309.
- Libman A. (2018) Der lange Schatten der Vergangenheit: Historisches Erbe und quantitative Sozialwissenschaften. *Osteuropa*, Jg. 68, Heft 6, S. 49–66.
- Libman A.M. (2018) Empiricheskie Issledovaniya v Ekonomike: Revoyutsiya Dostovernosti? [Empirical Research in Economics: A Credibility Revolution?], in: *Kuda Dvizhetsya Sovremennaya Ekonomicheskaya Nauka* [Where Does the Modern Economics Go To?]. Moscow: IE RAS, pp. 34–52.
- Libman A.M. (2010) Granitsy Distiplin i Granitsy Soobshchestv (Dva Aspekta Ekonomicheskogo Imperializma) [Boundaries of Disciplines and Boundaries of Communities (Two Aspects of Economic Imperialism)]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 134–146.
- Libman A., Rochlitz A. (2019) *Federalism in China and Russia: Story of Success and Story of Failure?* Cheltenham: Edward Elgar.
- Pepinsky T.B. (2019) The Return of the Single-Country Study. *Annual Review of Political Science*, vol. 22, DOI: 10.1146/annurev-polisci-051017-113314.
- Radaev V.V. (2000) Est' li Shans Sozdat' Rossiyskuyu Natsional'nuyu Teoriyu v Sotsialnykh Naukakh [Is There a Chance to Create A Russian National Theory in Social Sciences]. *Pro et Contra*, vol. 5, no. 3, pp. 207–208.
- Sapper M. (2017) Mehr Expertise wagen: Russland- und Osteuropakompetenz in Deutschland. *Bundeszentrale für die politische Bildung* (<http://www.bpb.de/apuz/248512/mehr-expertise-wagen-russland-und-osteuropakompetenz-in-deutschland?p=all>).
- Savel'yeva I.M., Poletayev A.V. (2009) *Publikatsii Rossiyskikh Avtorov v Zarubezhnykh Zhurnalakh po Obshchestvennym i Gumanitarnym Distiplinam v 1993–2008 gg.: Kolichestvennye Pokazateli i Kachestvennye Kharakteristiki* [Publications of Russian Authors in Foreign Social Science and Humanities Journals in 1993–2008: Quantitative Indicator and Qualitative Features]. Moscow: GU-HSE.
- Schröder H. (2013) Über die Misere der Osteuropaexpertise. *Bundeszentrale für die politische Bildung* (<http://www.bpb.de/internationales/europa/russland/analysen/154469/kommentar-ueber-die-misere-der-osteuropaexpertise>).
- Seawright J., Gerring J. (2008) Case Selection Techniques in Case Study Research: A Menu of Qualitative and Quantitative Options. *Political Research Quarterly*, vol. 61, no. 2, pp. 294–308.
- Snyder R. (2001) Scaling Down: The Subnational Comparative Method. *Studies in Comparative International Development*, vol. 36, no. 1, pp. 93–110.
- Sokolov M.M., Titaev K.D. (2013) Provintsial'naya i tuzemnaya nauka [Provincial and Aboriginal Science]. *Antropologicheskoy Forum*, vol. 19, pp. 239–275.
- Sonin K. (2013) The End of Economic Transition. *Economics of Transition*, vol. 21, no. 1, pp. 1–10.
- Warren P.L. (2016) Research with Leaked Data. *Society for Institutional and Organizational Economics* (<https://www.sioe.org/news/research-leaked-data>).